

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Том 3

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И АКМЕОЛОГИЯ

*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ТРУДАХ
С. Л. РУБИНШТЕЙНА И В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

*

РУБИНШТЕЙНОВСКИЕ ТРАДИЦИИ
ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАТИКИ

(Материалы Всероссийской юбилейной научной
конференции, посвященной 120-летию со дня рождения
С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.)

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев
Е. А. Сергиенко
В. В. Знаков
И. О. Александров

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2009

УДК 159.9

ББК 88

П 86

Редакционная коллегия:

*Г. А. Виленская, Ю. В. Ковалева, Н. Е. Максимова, Е. А. Никитина,
К. Б. Зуев, И. И. Ветрова, И. Я. Лялина*

П 86 Психология человека в современном мире. Том 3. Психология развития и акмеология. Экзистенциальные проблемы в трудах С. Л. Рубинштейна и в современной психологии. Рубинштейновские традиции исследования и экспериментатики (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответственные редакторы: А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, В. В. Знаков, И. О. Александров. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 400 с.

ISBN 978-5-9270-0170-5

УДК 159.9

ББК 88

Данный сборник научных трудов – материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося отечественного психолога Сергея Леонидовича Рубинштейна (1889–1960). Представленные материалы являются тематическими и посвящены психологии развития и акмеологии, экзистенциальным проблемам современной психологии и рубинштейновским традициям исследования и экспериментатики.

*Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции (том 3)
изданы при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ), грант № 09-06-14 080г*

© Институт психологии Российской академии наук, 2009

ISBN 978-5-9270-0170-5

хотливым и суетным ходом жизни к этим просторам философской мысли и человеческого бытия, чтобы по-настоящему понять человека и межлюдские отношения и сделать их совершеннее. В этом заключалась для него «самая человеческая и самая прекрасная из всех задач» (там же, с. 20).

К сожалению, скоропостижная смерть не позволила ему в полной мере осуществить все задуманное. Жизнь оборвалась на «полуслове», в ответственный, завершающий период работы над самой главной для ученого книги, которую он называл книгой своего сердца, посвященной всему, что есть в жизни мужественного и великодушного (там же). Но и то, что успел С. Л. Рубинштейн сделать и что оставил всем нам в наследство, выдвигает его в ряды выдающихся ученых и гуманистов мирового уровня.

Литература

- Джидарьян И. А.* Развитие С. Л. Рубинштейном общественно-исторической концепции потребностей // Психологический журнал. 1989, Т. 10, № 4. С. 57–66.
- Леонтьев Д. А.* Возвращение к человеку // Психология с человеческим лицом. М.: Изд-во «Смысл», 1997. С. 3–18
- Из дневников Сергея Леонидовича Рубинштейна // Психологический журнал. 1999. № 4. С. 18–23
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии М., 1946
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир (Отрывки из рукописи) // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 348–374.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фромм Э.* Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995.

НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В ТРУДАХ С. Л. РУБИНШТЕЙНА И СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В. В. Знаков (Москва)

Одна из многих несомненных заслуг С. Л. Рубинштейна заключается в том, что его идеи послужили основанием фундамента психологии человеческого бытия. В конце XX в. ее контуры как одной из новых и относительно самостоятельных областей психологического знания были явным образом обозначены посредством описания теоретических оснований, предмета, целей, методов. В наше время психология человеческого бытия продолжает интенсивно развиваться

(Субъект..., 2005; Личность..., 2008). В этих условиях необходимость углубления и расширения научных представлений о человеческом бытии является очевидной.

Цель статьи – рассмотреть человеческое бытие с трех точек зрения: 1) как такое единичное, в котором потенциально воплощено общечеловеческое и которое порождается в межсубъектном пространстве; 2) как многомерный мир, разные уровни действительности, соотносенные со способами существования людей; 3) как такое экзистенциальное образование, в котором главную роль играют ценностно-смысловые составляющие человеческой жизни.

Сначала я кратко проанализирую, как описывал человеческое бытие Рубинштейн. Он подчеркивал, что можно говорить о бытии, независимом от человека и существующем до него, однако научное исследование бытия невозможно без включения в него человека. Дело в том, что с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего, во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как „мир“, соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» (Рубинштейн, 1997, с. 63).

Следовательно, появление в процессе развития человека приводит к тому, что предыдущие уровни бытия выступают в новом качестве, потому что включаются не только в природный, но и социальный мир. Введение Рубинштейном категории «мир» в контекст психологического анализа соотношения бытия и сознания стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. «Мир» как философско-психологическое понятие может быть понят только сквозь призму высшего продукта развития бытия – человеческого бытия. Мир – это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Человек является той частью бытия, которая осознает сущее, целостное бытие. Вследствие человеческой активности мир представляет собой бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных из них является специфика понимания мира субъектом.

Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его.

Познающий и понимающий ситуации человеческого бытия субъект – это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода. Он потенциально воплощает в себе группу, содружество эмпирических субъектов. Человеческое бытие не тождественно жизни индивидуального субъекта. Это понятие, скорее, соответствует рубинштейновской категории «мира» как совокупности вещей и явлений, соотношенных с взаимодействующими людьми как организованной иерархией различных способов существования. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, сознание и самопонимание общающихся людей), в котором потенциально представлено общее – весь мир, все человечество. Отсюда следует, что человеческое бытие может понимать себя. Понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство самопонимания взаимодействующих субъектов и группового понимания. Такое понимание порождается в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Оно базируется на общей платформе принимаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Положение о том, что сознание и самопонимание субъекта формируются не только «внутри» него, но и вовне, в пространстве человеческого бытия, нетрудно найти в работах Рубинштейна, развивают его также и современные ученые. «Отношение другого «я» к моему «я» выступает как условие моего существования. Каждое «я», поскольку оно есть и всеобщность «я», есть коллективный субъект, содружество субъектов, «республика субъектов», содружество личностей; это «я» есть на самом деле «мы». Субъект науки – это человечество, субъект речи – это вместе с индивидом и народ (его язык)» (Рубинштейн, 1997, с. 68). В отечественной психологии сознание человека долгое время рассматривалось как производная от его деятельности и общественного бытия. Сегодня точка зрения на происхождение и природу этого феномена изменилась. В гуманитарных науках распространенным является утверждение о том, что интра- и интерсубъективность сознания и самосознания человека и группы не противостоят друг другу как две разные реальности. Например, Ф. Т. Михайлов полагает, что индивидуальное и общественное сознание «одновременно, как нечто единое, нерасчлененное творятся и творчески воссоздаются обращениями людей друг к другу и к самим себе» (Самосознание..., 1997, с. 2). Современные психологические исследования свидетельствуют, что сознание «находится не столько в индивиде, сколько между индивидами. Конечно же, сознание – это свойство

индивида, но в не меньшей, если не в большей мере оно есть свойство и характеристика меж- и надындивидных или трансперсональных отношений» (Зинченко, 1991, с. 21).

Развитие методологии современного научного познания привело к тому, что понимающее себя бытие уже воспринимается учеными не как метафора, а как такая же реальность, как коллективное познание. «Индивидуальное познание понимается в качестве компонента коллективного познавательного процесса. Другой индивид, без взаимодействия с которым невозможен мой познавательный процесс, – это не конструкция моего сознания (или моего мозга, как сказали бы радикальные эпистемологические конструктивисты), а в некотором смысле часть меня самого. Без него я не был бы самим собою, не существовало бы моего Я, не было бы возможно и познание в его специфически человеческих формах» (Лекторский, 2009, с. 35). Неразрывная связь индивидуального познания с групповым, понимание не только как процедура разума конкретного субъекта, но и как способ существования человека в мире и, в конечном счете, понимающее себя бытие – все это результаты встречного движения субъекта и объекта. У Рубинштейна взаимодействие субъекта и объекта реализуется во встречном движении: мира, который показывается субъекту, обнаруживается, «дает себя отражать», и целеустремленной направленности человека, овладевающего миром и преобразующего его. Порождающая творческая специфика ситуаций человеческого бытия, представленных во внутреннем мире субъекта, определяет то, как он видит и понимает не только события, факты, фрагменты жизни.

Современные методологи социально-гуманитарного познания (в частности, Р. Харре) указывают на то, что «генезис знания и мнения – не простое однонаправленное отношение от познаваемого объекта к некоторому состоянию или процессу в познающем. Оно не только опосредуется системами символов и образов, служащими для представления того, что познается, – это отношение взаимно. Познающий воздействует на познаваемый объект, вынуждая его открывать познающему свои различные аспекты. В психологии восприятия говорят, что познаваемый объект *предоставляет* свои определенные аспекты человеку, который к нему обращается. Что именно предоставляет объект, зависит от способа взаимодействия между объектом и познающей его личностью» (Харре, 2009, с. 71). Неудивительно, что устремленность субъекта (особенно группового) и объекта навстречу друг другу порождают между ними такое единство, в том числе чувственное и интеллектуальное, которое дает основание говорить о пространстве коллективного сознания и понимающем себя бытии как онтологически существующих данностях.

Таким образом, одна особенность человеческого бытия состоит в том, что его нельзя рассматривать как индивидуальный жизненный путь: это совокупность психологических реальностей, возникающих внутри разных ситуаций в точках пересечения взаимодействий индивидуальных и групповых субъектов.

Вторая характеристика человеческого бытия следует из многомерности мира, наличия разных уровней действительности, соотносенных со способами существования людей. Рубинштейн неоднократно обсуждал проблемы разных типов действительности и уровней бытия. Например, он писал: «Соответственно со становлением человека как высшей формы (уровня) бытия в новых качествах выступают и все нижележащие уровни или слои. Тем самым встает вопрос о человеческих предметах как особых модусах бытия» (Рубинштейн, 1997, с. 21).

Сегодня человеческие способы существования, проявляющиеся в различных модусах, продуктивно исследуются в психологии человеческого бытия. Способ существования является атрибутом, т. е. неотъемлемым свойством человеческого бытия, а модус бытия – качество, которое характерно лишь для некоторых обстоятельств, в которых субъект сознательно делает свой жизненный выбор. В частности, в исследовании Г. Ю. Фоменко, изучавшей сотрудников силовых ведомств и спецподразделений, направляемых в командировки в районы служебно-боевого применения, а также больных с опасными для жизни соматическими заболеваниями, тщательно исследовано и убедительно обосновано существование двух модусов бытия – предельного и экстремального. Субъектам с предельным модусом бытия присуща ценностно-смысловая позиция, в основе которой находится система убеждений, определяющих значимость самореализации, отношение к экстремальным условиям как возможности саморазвития, стремление определить свое отношение к экзистенциальным вопросам бытия и смысла жизни. Для них характерна психологическая готовность к экстремальным нагрузкам, альтруистическая мотивация, мотивация самосохранения личностного уровня. Субъектов с экстремальным модусом отличает потребность в возвращении к нормальному существованию, убежденность в том, что экстремальное бытийное пространство накладывает ограничение на их эмоциональные, волевые, когнитивные компоненты поведения и самореализации личности. Таким людям присущи стремление избегать экстремальных нагрузок, эгоцентрическая мотивация, мотивация самосохранения индивидуального уровня. Представители двух модусов бытия по-разному осмысливают жизнь, встраивают свой опыт во временную последовательность, дающую ощущение непрерывности и смысла жизни. У людей с предельным модусом экстремальные условия восприни-

маются как рабочая, повседневная реальность. Переосмысление ее составляющих способствует углублению самопонимания и личностному развитию. Это результат соединения актуализируемого прошлого опыта с его переоткрытием, переживанием соотнесения опыта с новой конкретикой пространственной и временной ситуации. Вторая группа воспринимает экстремальные условия как аномальные и испытывает состояние потери, утраты, отсутствие целостности в субъективной картине мира (Фоменко, 2006).

При наличии принципиально разных типов действительности и объективных ситуаций человеческого бытия у психологов вполне естественно возникают вопросы не только о неоднородности предметов психологических исследований, но и о «многоэтажности» (Кричевец, 2005) самой психологии. В самом общем виде можно говорить о трех наиболее заметных традициях исследования психики – когнитивной, герменевтической и экзистенциальной. Каждой из них соответствует определенный тип понимания психологом проблем, предмета, методов и результатов исследования – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Трех типам понимания соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях (Знаков, 2009).

Названные традиции возникли не случайно, в них отражены различия ситуаций человеческого бытия. Во-первых, в жизни человека немало ситуаций взаимодействия с объективной и очевидной для всех действительностью. Знания о таких ситуациях (в том числе изучаемых психологами), выраженные в высказываниях о них, могут быть *только* истинными или ложными. Истинность или ложность высказываний о ситуациях проверяется эмпирически, путем их сопоставления с объективной действительностью. Понимание истинности подобных высказываний («трижды три равно девять») не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта. Во-вторых, в человеческом мире люди постоянно попадают в ситуации, описания которых невозможно характеризовать как истинные или ложные. Например, этого нельзя сказать по отношению к высказываниям о том, какую профессию лучше выбрать выпускнику школы – химика или дизайнера. В таких случаях суждения являются мнениями, в которых присутствуют и объективные, и субъективные компоненты. Мнения можно характеризовать только как *правильные* или *неправильные*. В основе квалификации высказывания как правильного лежит согласованное мнение людей о должном, о правилах и нормах поведения. Представления о должном, лежащие в основе признания высказываний правильными или нет, формируются на ос-

нове соглашений, принимаемых большими и малыми социальными группами. Исследуя такие ситуации, психологи стремятся не к познанию истины, они в большей мере ориентированы на их ценностно-смысловую интерпретацию. В-третьих, принципиально иным типом ситуаций человеческого бытия являются экзистенциальные. В них субъект обычно может только постичь возникающие проблемы, так как у него нет достоверных знаний и осознанных мнений, на основании которых их можно решать. Экзистенциальные проблемы субъект не может решить, опираясь исключительно на знания, рациональный когнитивный опыт. Значимую роль в решении играет экзистенциальный опыт.

Экзистенциальный опыт субъекта состоит, по крайней мере, из трех компонентов: *тезаурусного, интенционального и этического*. Основой тезаурусного компонента является неявное знание. Оно, как правило, не эксплицировано, не вербализовано, включает навыки и умения, которые нам присущи, однако неосознаваемы. В интенциональной составляющей экзистенциального опыта значительное место занимают переживания, оказывающиеся непременным атрибутом интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни. Этический компонент, анализу которого такое большое значение придавал С. Л. Рубинштейн, образуют моральные представления и нормы поведения, включенные в нравственное сознание субъекта. Они отражают как прошлый опыт общения с людьми, так и возможные алгоритмы поведения в будущих ситуациях межличностного взаимодействий. Вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиальную невозможность полного осознания морально должного. Как показывают современные исследования (Хаузер, 2008), далеко не все моральные правила и нормы осознаваемы. Опираясь именно на экзистенциальный опыт, человек решает жизненно важные экзистенциальные проблемы. Такие проблемы имеют для каждого из нас не сколько конкретное ситуативное значение, сколько более продолжительное, имеющее отношение к экзистенциальному осмыслению смысла жизни, формированию ценностных приоритетов событий и явлений.

Третья характеристика человеческого бытия – его ценностно-смысловая экзистенциальная направленность. Человеку, как существу рефлексивному, присуща не только обращенность к основаниям своего бытия, но и стремление к оценке, ценностному взгляду на них. Бытие трансформируется, активно изменяется под влиянием ценностей. Основой ценностных предпочтений субъекта обычно становятся не достоверные знания, а чувства и переживания. «Отношение к бытию всегда включает ценностное отношение и выражает субъек-

тивность. В отличие от знания, которое стремится к объективности и предельному соответствию внешней реальности, ценности есть отражение внутреннего мира субъекта, воплощение его переживания внешней реальности в составе внутреннего бытия. Ценности выступают синтетическим феноменом, включающим значимость, смысл и переживание. Компонентами ценности являются интенциональность (ориентированность и конструирование идеальных объектов), символ (бессознательно-архетипический элемент), понятие (рационально-логический элемент)» (Баева, 2003, с. 17).

Ценностно-смысловая экзистенциальная направленность человеческого бытия активно исследуется современными психологами в самых разнообразных контекстах. Одним из них является анализ выявления и оценки субъектом смысла собственного бытия, представленного в автобиографических текстах. Например, в диссертации Ю. Б. Шлыковой обнаружен «экзистенциально-чувственный» тип автобиографии. Он отражает стремление человека понять мир и происходящее в нем посредством осмысления и переживания своей жизни. Для людей с «экзистенциально-чувственным» типом автобиографии характерны понимание своих возможностей в управлении жизнью, высокий уровень осмысленности жизни. Они характеризуются высоким уровнем самоопределения, оценивают себя как гармоничных, хотя и не стремящихся к активной самореализации (Шлыкова, 2006).

Однако наиболее значимой для психологического исследования человеческого бытия как экзистенциального феномена является проблема смысла жизни. С точки зрения Рубинштейна, смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других. Эта составляющая внутреннего мира отражена в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия.

Интересное теоретико-эмпирическое исследование взаимосвязи гендерной идентичности испытуемых и понимания ими смысла жизни и смерти недавно было проведено Л. Н. Ожиговой. С позиций субъектно-бытийного подхода она рассматривает проблему субъектности. Субъектность понимается как творческая способность человека в преобразовании среды, как свобода создавать бытие, отражающее собственные смыслы и ценности жизни. При этом свобода определяется и как аспект субъектности, и как смысл и ценность жизни личности. В эмпирическом исследовании было обнаружено, что смысл жизни как вершинный смысловой регулятор личности связан с гендерной идентичностью, возрастом и профессиональной деятельностью. В понимании и изображении испытуемыми смысла

жизни феминные черты связаны с большим объемом, метафоричностью и описанием временной динамики жизни. Маскулинные черты связаны с реалистичностью, конкретностью. Реалистичность и конкретность в изображении смысла жизни связаны с маскулиными чертами и у мужчин, и у женщин. В понимании смысла смерти к зрелому возрасту усиливается более объемное, реалистичное и движущееся во времени осознание финала жизни. Феминные черты у женщин и мужчин связаны с символическим, метафорическим пониманием смысла смерти. В общем, в понимании смысла жизни и смерти в наибольшей степени представлены две позиции. Первая – оптимистический акцент на жизни, поиск бессмертия, отрицание смерти, утверждение жизненности, витальности или тела или духа, отказ признавать конечность человеческого существования. Вторая позиция – экзистенциальный взгляд, т. е. радость принятия жизни со всеми ее фазами и стадиями, принятие жизненного цикла и факта смерти (Ожигова, 2009).

*

Итак, человеческое бытие было предметом философско-психологического исследования в трудах С. Л. Рубинштейна. Оно также находится в фокусе внимания современных психологов, и у меня нет сомнения в том, что вследствие актуальности этой проблемы интерес к ней в ближайшие годы станет еще больше.

Литература

- Баева Л. В.* Ценностные основания бытия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 5. С. 15–19.
- Зинченко В. П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
- Знаков В. В.* Три традиции психологических исследований – три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 4–13.
- Кричевец Л. Н.* Многоэтажная психология. Эскизный проект. О проблемах и проблемных ситуациях научного познания человека в знаниевом пространстве современности (соображения, обсуждение, предложения) // Мир психологии. 2005. № 3 (43). С. 218–233.
- Лекторский В. А.* Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 5–40.
- Личность и бытие: субъектный подход / Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во ИП РАН, 2008.

- Ожигова Л. Н. Проблема субъектности: гендерная идентичность и свобода как смысл жизни личности // Субъектный подход в психологии / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН, 2009.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы // Отв. ред. Ф. Т. Михайлов. М.: Институт философии РАН, 1997.
- Субъект, личность и психология человеческого бытия // Под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Фоменко Г. Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006.
- Харре Р. Конструкционизм и основания знания // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. акад. РАН В. А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 64–78.
- Хаузер М. Д. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / Под ред. Ю. И. Александрова. М.: Дрофа, 2008.
- Шлыкова Ю. Б. Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: Автореф. дис....канд. психол. наук. Краснодар: КубГУ, 2006.

ЕДИНСТВО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ И МИРЕ В ТЕОРИЯХ ЛИЧНОСТИ С. Л. РУБИНШТЕЙНА И В. ФРАНКЛА

Е. И. Кузьмина (Москва)

Единство в понимании сути человеческого бытия, развития человека в мире в теориях личности С. Л. Рубинштейна и В. Франкла, очевидно, происходит по причине идейной близости и личного сходства этих двух крупнейших психологов XX в. – опыта переживания сложнейших жизненных ситуаций во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и «мирной передовой» (по выражению В. Высоцкого): концлагерей – В. Франклом, ленинградской блокады – С. Л. Рубинштейном, обвинения его в космополитизме. Их роднит глубокий интерес к человеку, приверженность к философскому, экзистенциальному осмыслению основ человеческого способа бытия и познания. В теориях личности С. Л. Рубинштейна и В. Франкла обнаруживается сходство по следующим экзистенциальным положениям.

1. Человек и мир едины. С. Л. Рубинштейну и В. Франклу присуще глубокое понимание диалектического единства человека и мира; человека в широком контексте его активных отношений с миром, другими людьми, преодолевающего границы своего Я (экзистирующего в процессе поиска смысла, познания), рассмотрение его разви-